
Михаило Михайлова (Михаил Николаевич Михайлов, 1934—2010) называют «известным югославским диссидентом». Из-за своих выступлений в печати середины 1960-х годов он попал в число тех, кем особенно интересовались спецслужбы, несколько раз арестовывался и сидел в тюрьме, в 1970-х был лишён югославского гражданства. Но начинал Михайлов как филолог: после окончания Загребского университета молодой тогда ещё литературовед, потомок эмигрантов первой волны, был отправлен на учебную стажировку в Москву, где познакомился со своим ровесником и коллегой, аспирантом МГУ, Ромэном Назировым. Их сближает не просто возраст и интерес к русской литературе: и Михайлов, и Назиров пишут свои большие работы о Достоевском. Но ожидаемо в тематический репертуар их общения оказываются вовлечены разнообразные предметы, касающиеся и вопросов социально-политического устройства, и осмысления истории.

В публикуемых далее материалах, извлеченных из дневниковых тетрадей Назирова 1960-х годов, хорошо видно, о чём советский и югославский коллега спорят, в чём не соглашаются, а благодаря содержащимся в дневнике Назирова замечаниям внутренняя «кухня» этого общения прорисовывается ещё отчётливее.

Михайлов, по всей видимости, был социальным философом-романтиком, строящим причудливые конструкции, которым никогда не суждено быть воплощёнными. Несмотря на то, что, как и многим другим, с кем он делил судьбу, ему после лишения гражданства пришлось стать «специалистом по Восточной Европе», известные его суждения мало соотносились с реальностью и зачастую были просто ошибочными. Так, в 2000 году он не предвидел падения Милошевича: «быстрых перемен я не жду» («Дружба», 2000, № 2). Но первый президент Сербии был свергнут уже 1 апреля 2001 года. Много ретроспективно удивительных (но, вероятно, не столь причудливых в атмосфере 1960-х годов) мыслей он высказывает и в своих письмах к Назирову.

Сам Назиров тоже не чужд был некоторого излишнего оптимизма, быстро, впрочем, рассеявшегося по мере вхождения в самостоятельную жизнь 1960-х годов. Однако в любом случае в пору их знакомства он смотрел на происходящее вокруг гораздо более трезво, чем будущий югославский диссидент.

Проблемы Михайлова беспокоили Назирова по личным причинам: об их общении, без сомнения, было известно компетентным органам, и аспирант МГУ, сын репрессированного, опасался, что чересчур смелые выступления Михайлова создадут ему, Назирову, трудности. Однако времена действительно настали уже совсем иные, и на карьеру Назирова его переписка с Михайловым никак не отразилась.

По всей видимости, переписка прервалась тогда же, в 1960-х годах, и об общении двух достоевистов после этого времени уже ничего неизвестно. Их профессиональные интересы сильно разошлись: уже в своём дневнике того времени Назиров пишет о том, что Михайлов не филолог. Их политические взгляды, как видно из переписки, также нельзя назвать близкими.

Что, возможно, самое примечательное, это зарисовки с натуры, сохранившие для нас облик Москвы середины 1960-х. Они были сделаны и провинциалом Назировым в его дневнике, и иностранцем Михайловым в его знаменитом очерке «Лето московское 1964» (как следует из публикуемых материалов, у Назирова был экземпляр этого текста, присланный самим Михайловым). Сравнение этих текстов в плане описательных стратегий и характера оптики наблюдателя могло бы принести интересные результаты. Вот с чего начинается Михайлов описание своих впечатлений от советской столицы:

«Прежде всего — ничто не похоже на то, что ожидает и представляет себе человек, читающий и западную и советскую печать.

На улицах стоят большие цистерны, из которых разливают русский национальный напиток — квас.

На каждом шагу — автоматы с газированной водой. стакан чистой газированной воды — копейка, с малиновым соком — 3 копейки»¹.

Сравним запись из дневника Назирова (24 апреля 1964²):

«Блестящая улица Горького с её ресторанами и кафе пересекает две площади двух поэтов: площадь Пушкина и площадь Маяковского. Неподалёку от этой магистрали находится Театральная площадь, Большой и Малый театры, далее гигантские универмаги, потом площадь Дзержинского — знаменитая Лубянка — со статуей первого чекиста посередине.

Центр. Высокомерное: “Мы, мальчики из Центра...” Это самый шик, самые свехстоличные. Это менялы, фарцовщики, интеллектуалисты, библиоманы, фланёры <...> Многим людям в Москве нет никакого дела до её театров, музеев и библиотек — их интересуют только магазины и кабаки».

Впечатления авторов фиксируются для примерно одного времени: 1964 год. Правда, исходные данные разные: Назиров приезжает в Москву из провинциальной Уфы, будучи хорошо знаком с советской действительностью, и с реалиями большого города (пытаясь поступить в институт в Ленинграде после школы, он провёл там у родных несколько недель), так что сосредотачивает своё внимание именно на особенностях столичной жизни. Михайлов приезжает из-за границы, о том, как живут в СССР он знает только по печатным источникам. При этом оба для Москвы чужие, неизбежно находящиеся под влиянием эффекта остранения.

В конце 1970-х Михайлов был выдворен из Югославии, работал в США, затем в конце жизни вернулся в Сербию, активно поддерживая сближение этой страны с Западом (Евросоюзом и НАТО). Ему суждено было пережить Назирова на 6 лет.

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

---

¹Михайлов М. Лето московское 1964. Мертвый дом Достоевского и Солженицына. <Б. м.>, 1967. С. 3.
²АРГН, оп. 3, д. 1964, л. 0033.